

Влас Михайлович Дорошевич

# Чайковский



# Влас Михайлович Дорошевич Чайковский

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=652785](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=652785)*

## **Аннотация**

«– К Чайковскому позвали Бертенсона! – Да не может быть?! Г-н Бертенсон – хороший доктор. Но доктор! Бертенсон – последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый, писатель, художник, музыкант, артист...»

# Содержание

\* \* \*

Конец ознакомительного фрагмента.

4

7

# Влас Михайлович Дорошевич Чайковский<sup>1</sup>

\* \* \*

– К Чайковскому позвали Бертенсона<sup>2</sup>!

---

<sup>2</sup> *Бертенсон* Лев Бернардович (1850—1929) – врач-терапевт, лейб-медик, любитель музыки, брат В.Б. Бертенсона, домашнего доктора, приятеля семьи Чайковских. Определенная ирония, с которой пишет о нем Дорошевич, является отзвуком той газетной полемики относительно лечения композитора, которая разгорелась сразу после его смерти и в которой он принял непосредственное участие. 4 ноября 1893 г. он писал в «Петербургской газете»: «Два благополучно сияющих медицинских светила: в Петербурге г. Бертенсон, в Москве г. Захарьин. Два безвременно угасших музыкальных светила: в Петербурге П.И. Чайковский, в Москве Н.Г. Рубинштейн. Обоим музыкальным светилам под конец жизни пришлось познакомиться с излишним самолюбием светил медицинских. Когда Н.Г. Рубинштейн опасно заболел, г. Захарьин, обиженный тем, что его не позвали в начале болезни, отказался ехать. Есть другие доктора и помимо меня. Нужна была просьба покойного московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, чтобы г. Захарьин посетил Н.Г. Рубинштейна. Г-ну Бертенсону даже в голову не пришла мысль о консилиуме в такую трудную, ужасную, критическую минуту. Нет других докторов, кроме меня! И там и здесь вопрос самолюбия. Один „из самолюбия“ говорит: – Есть и другие доктора! Другой „из самолюбия“ думает: – Нет других докторов! А терпеть от этого „самолюбия“ приходится больному. Господа медицинские светила делали бы очень хорошо, если б, входя к больному, оставляли свое „излишнее самолюбие“ в передней. Там ему, в сущности говоря, и настоящее место. Потому что „излишнее самолюбие“ в такие минуты

– Да не может быть?!

Г-н Бертенсон – хороший доктор.

Но доктор! Бертенсон – последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый, писатель, художник, музыкант, артист.

Он является ко всем умирающим знаменитостям.

У человека под ногами осыпается земля. Ноги проваливаются в какую-то яму.

---

– чувство далеко не „джентльменское“. Спустя три дня Дорошевич возвращается к этой теме, на этот раз поддерживая прозвучавшее и в других газетах мнение о необходимости некоего „общественного отчета“ Л.Б. Бертенсона: „А.С. Суворин находит, что отношение г. Бертенсона было не безусловно тщательным. М.И. Чайковский находит, что отношение г. Бертенсона было, наоборот, „безусловно-тщательным“. С г. Бертенсоном случилось то же, что с покойным П.И. Чайковским. Чайковского лечили от холеры три специалиста по грудным болезням. Г-на Бертенсона критикуют как врача... два литератора. Мы желаем г. Бертенсону одного. Если эта критика расстроит ему нервы, – не дай Бог, чтобы лечить г. Бертенсона от нервного расстройства взялись три акушера. Всякий хорош на своем месте. Мнения разделились. Чтоб выяснить истину, г. Бертенсону остается созвать консилиум из врачей и предоставить им решить: был ли его уход за больным безусловно-тщательным или безусловно-нетщательным. Без „консилиума врачей“ в этом деле не обойтись. С этого следовало начать. Этим придется кончить. Лучше поздно, чем никогда“ („Петербургская газета“, 1893, 8 ноября, No 307).» Н.О. Блинов и В.С. Соколов пишут в своей книге: «Пока неизвестно, состоялся ли требовавшийся газетами „отчет“ Л.Б. Бертенсона, но судя по тому, что вскоре этот врач стал лейб-медиком, в глазах общественного мнения он все-таки был оправдан» (Последняя болезнь и смерть П.И. Чайковского. М., 1994, с. 166). Эти же исследователи сообщают, что Л.Б. Бертенсон был специалистом по холере и что лечившие Чайковского доктора предприняли все, что было тогда возможно, но тяжелая форма холеры, давшая осложнение на почки, обусловила смертельный исход.

Что это? Могила, – или удастся выкарабкаться?

И все, что видит человек, – бледное небо, чахлая трава, –  
полно такой прелести...

И так страшна вечная тьма...

Так хочется жить, как еще никогда!

Человек судорожно хватается за отходящую жизнь.

И в эту минуту видит подходящего к постели, улыбающе-  
гося доброй улыбкой доктора Бертенсона.

Даже спокойствие разливается по лицу тяжело больного  
ученого, писателя, художника, музыканта, артиста.

Все ясно. Все определено.

– Уж Бертенсон пришел. Нет больше борьбы. Бессильно  
лежат руки и ноги.

Больной почти спокойно скользит в могилу. Унося в гас-  
нувших зрачках образ доктора Бертенсона.

К постели Чайковского подошел Бертенсон.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.